

Юрий Разинов*

ВРЕМЯ И ВОЗРАСТ**

РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ С. А. ЛИШАЕВА

ЛИШАЕВ С. А. *Философия возраста (возраст и время)*. — СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 2022.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-407-417.

В печатной версии цикла лекций «Парменид» М. Хайдеггер делает любопытную ремарку (Хайдеггер, Шурбелев, 2009: 28):

Новоевропейский мыслитель столкнулся со своеобразной трудностью: чтобы что-то сказать о том, о чем ему действительно надо сказать, он непременно пишет книгу объемом в четыреста или более страниц. Это бесспорный признак того, что новоевропейское мышление находится вне сферы мышления начального.

С одной стороны, данное замечание выглядит как извинение перед читателем, которому предстоит прочесть объемный труд. С другой стороны, его можно интерпретировать как самоиронию, смысл которой таков: чтобы помыслить то, о чем у Парменида сказано на трех-четырёх страницах, современному автору требуется большой книжный формат.

С тех пор, однако, многое изменилось, и сегодня с разных сторон слышится голос о том, что время «больших форматов» закончилось и какая-нибудь маленькая, да удаленькая статья, опубликованная в топовом журнале, имеет больше шансов на успех. В этом отношении «Философия возраста» С. А. Лишаева — произведение контртрендовое, а значит, в определенном смысле несвоевременное. Автор отчетливо осознает, что время, в котором он живет, — это особое историческое время, когда «время не терпит», когда оно торопит и подгоняет. Такое время он называет ситуативным. Писать толстые книжки в такое время — значит идти наперекор времени, значит выбиваться из господствующего *темпорального уклада* жизни.

*Разинов Юрий Анатольевич, д. филос. н., профессор; Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева (Самара), razinov.u@gmail.com, ORCID: 0009-0006-9238-5535.

**© Разинов, Ю. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Концепцию темпоральной многоукладности можно считать общим знаменателем книги. И хотя сам этот термин появляется за ее пределами — в параллельно написанных статьях (Лишаев, 2019), концептуальная основа для анализа темпоральных укладов задана именно здесь. А поскольку эта концепция — методологическая основа для *онтологии возраста*, постольку название труда получает важное расширение — «возраст и время».

Представить пятисотстраничный труд в коротком обзоре — задача, чреватая упрощениями, но если выделить в нем определенные реперные точки, то станут видны и замысел, и результаты.

1. ТЕМАТИЗАЦИЯ «ФИЛОСОФИИ ВОЗРАСТА» КАК ФИЛОСОФСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВООБЩЕ И КАК РАЗДЕЛА ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ЧАСТНОСТИ

Несмотря на то что большая часть книги представлена под рубрикой «Феноменология возраста», данное исследование не является феноменологическим в классическом смысле. Оно скорее «постфеноменологическое». Феноменология и ее инструментарий — герменевтика — выступают здесь методом разработки предметного поля *философской антропологии*, которая при ее рассмотрении в ракурсе экзистенциальной рефлексии становится «региональной онтологией».

Предметом «региональной онтологии» являются не универсальные формы *бытия вообще*, как у раннего Хайдеггера, а *регионы человеческой жизни*, которые всегда чем-то ограничены. В данном случае они ограничены возрастом. Ведь у Dasein в общем смысле нет возраста. Ему «все возрасты покорны». Однако способы размыкания сущего у юноши, зрелого и старика различны. Забота (как и другие экзистенциалы) у Хайдеггера — это универсальная структура человеческого бытия. Однако когда старики, адресуясь к молодым, говорят: «Мне бы твои заботы» — они очерчивают *возрастной регион* своего озоботившегося существования. И такой смысл Хайдеггер тоже улавливал, когда утверждал, что человек живет в окружении мира, что этот мир разомкнут человеком не вообще, а в определенных границах. Такое понимание Dasein А. Ахутин назвал «нетематическим» (Философия..., 1998). Оно появляется у Хайдеггера, когда он говорит о Dasein как о «бытийном средоточии». В этом смысле возраст можно определить тавтологически: *это бытийная сосредоточенность на возрасте*. Возраст — это не просто то, что нам *положено* временем, а способ нашего самополагания во времени.

Такую идею С. А. Лишаев высказывает, рассуждая на тему самоконструирования возраста. Возраст, утверждает он, по существу есть *сознание возраста*, которое обычно возникает при переходе из одного возраста в другой — на границе возрастных стадий. «Куда уходит детство, в какие города?» — спрашивает юноша (Л. Дербенев), прощаясь с детством. «Хорошо — быть молодым, за любовь к себе сражаться», — говорит молодой в тот момент, когда уже достаточно зрел для того, чтобы отдавать себе в этом отчет (Ю. Мориц). «Я когда-то состарюсь, память временем смоем», — говорит зрелый в преддверии старости (Ю. Визбор). А старый? А старый говорит: «И в невежестве своем / Молодые человеки — / Ни бум-бум о берегах, / О серебряных лугах, / Где седые человеки / Спать обнимутся вдвоем, / А один уснет навеки» (Ю. Мориц).

Отношение к своему возрасту есть часть того, что С. А. Лишаев называет *этосом человека*.

2. ПОНЯТИЕ ВОЗРАСТНОГО ЭТОСА

Этим термином определяется темпоральный регион человеческого бытия, и это вторая реперная точка. Сразу замечу, что термин «этос» употребляется не в том привычном смысле, с которым связано понятие этики. *Этос* — это не только «моральный облик», «душевный склад» или характер человека, это еще и *способ бытия*, обусловленный системой привязанностей. Привязанность порождает привычку. Привычка порождает характер, нрав, норы. Онтологический аспект *этоса* связан с *обитанием*. У Гомера слово «этос» встречается в значении «стойбище», «стойло», «загон для скота», а из этого следует, что *этос* первоначально означает душевную привязанность к *месту*. В начальном греческом смысле *этос* — это *стойбище души, ума и тела*, а проще говоря — *обитель*. В этой связи позволим себе вольную вариацию смысла: юность — это стойбище для созревания, зрелость — это пастбище для созидания, старость — это обитель для завершения. На основе начального значения *этоса* как *места сборки* жизненных сил впоследствии развивается представление об *этосе* как упорядочивающей форме и универсальном нравственном законе.

Но понятие *возрастного этоса* меняет правила игры, ибо в нее вступает уже не *место*, а *время*. Время смешивает и спутывает карты, создавая возмущения в структуре *этоса*. И с этим обстоятельством связана третья реперная точка.

3. ТЕМПОРАЛЬНАЯ ДИНАМИКА ВОЗРАСТА

Возраст не статичен, а динамичен. Переходность, как считает С. А. Лишаев, сама суть возраста. Поэтому она имеет место внутри каждого возраста. В этом смысле нет никакого особого возраста, который принято называть переходным. Ибо если под этим понимать *возрастной кризис*, то он существует внутри каждого из возрастов.

Темпоральная динамика создает проблему периодизации, которая заключается не только в том, что имеют место драматические переходы из одного возраста в другой, но и в том, что определенные стадии выделяются внутри каждого из них. В этой связи С. А. критикует фрактальную периодизацию М. Эпштейна. Последняя заключается в том, что Эпштейн берет традиционную «пятичленку»: детство — отрочество — молодость — зрелость — старость, — а каждый возраст, в свою очередь, делится на пять. В итоге получается двадцать пять стадий: «детство детства» (младенчество), «отрочество детства», «молодость детства», «зрелость детства», «старость детства»; в старости, соответственно, выделяются «детская старость», «молодая старость», «зрелая старость», «старая старость» и т. д. Кроме того, что фрактальный подход Эпштейна представляется механико-комбинаторным, он базируется на расхожем понятии возраста как *количества* прожитых лет. Темпоральная же динамика имеет в виду *качественную* характеристику возраста. Такая характеристика дается путем анализа *способов возрастного временения*.

4. СИТУАТИВНОЕ И НАДСИТУАТИВНОЕ ВРЕМЕНЕНИЕ

Термины «временность» и «временение» отсылают нас к хайдеггеровской теме экзистенциального синтеза времени.

С. А. Лишаев различает два уровня временения: ситуативный и надситуативный. Первый уровень определяется как темпоральный синтез «малого радиуса действия», второй уровень связан с конституированием биографической темпоральности, которая к тому же выходит на трансперсональный, исторический уровень. Ситуативное время — это время с «коротким дыханием», когда одна ситуация сменяет другую, когда «действовать надо прямо сейчас, сообразовываясь с происходящим в настоящее время» (Лишаев, 2022: 56–57). Оно неустойчиво и дискретно. Надситуативно-биографическое время в некотором смысле континуально и планомерно, ибо оно приурочено к «последнему будущему» — к *эсхатону*. Надситуативное время может быть как *возрастным*, т. е. связанным границами возраста, так и *внутривозрастным*,

т. е. обусловленным определенным типом хроно-проекции. Понятие надситуативного временения характерно для процесса взросления как систематического усилия в заданном направлении. В целом оно «дает возможность проектировать персональное будущее в границах века» (Лишаев, 2022: 139). Последнее имеет важный смысл для понимания старости, поскольку для нее уже нет последующего возраста, а значит, и возрастной перспективы.

Выход за границы надситуативного временения характеризует *ветхую*, или *мудрую*, старость. Это возрастной тип, в котором перспектива и ретроспектива распадаются: человек уже не может повлиять «ни на свое будущее и прошлое, ни на будущее своих потомков через продуктивную деятельность» (там же: 491).

5. ТЕМПОРАЛЬНЫЙ ПРОФИЛЬ ВОЗРАСТА

Качественный анализ возраста как способа *временящего бытия в мире* позволяет выстроить то, что автор называет «темпоральным профилем возраста». Данное нововведение конкретизирует типологию возрастных *этосов* в аспекте самоопределения человека «внутри» них. Речь идет о том, что, помимо прожитых лет, возраст есть еще и система предписаний общества и культуры. Человек проживает свой возраст внутри всевозможных регламентов того, что подобает, а что не подобает тому или иному возрасту. «Мал еще спорить со старшими!» — назидательно говорят подростку. «Ишь ты, погнался за молоденькой!» — укоряют старика. Между тем человек не только замыкается в границах социально сконструированного возраста, но и размыкает их. В этом и состоит персональная динамика. Понятие темпорального профиля призвано раскрыть конкретное многообразие возрастных способов бытия человека в мире. В частности, оно позволяет пересмотреть общепринятое отношение к старости как к «возрасту дожития».

Старость, пожалуй, главная тема этой книги. Она представлена здесь в совершенно новом свете: не просто как «социальный возраст», связанный с определенными проблемами, а как множественность темпоральных укладов. В таком ракурсе традиционные проблемы старости, ассоциируемые с немощью и социальной зависимостью, отступают на задний план. Старость предстает перед читателем как феномен *бытия в старости*. Такой поворот мысли, во-первых, позволяет перенести акцент со старения как *одряхления* («старая старость») на старение как *овладение* старостью («мудрая старость»). В этой связи автор вводит

понятие ветхой, или эсхатологической, старости, где последняя понимается как этап финализации жизненного пути, как *время для завершения времени*, как состояние самодостаточности, не связанное проекциями в будущее или прошлое. Во-вторых, такое смещение акцента позволяет рассмотреть различные модусы бытия в старости, представить ее типологическую карту. Последняя включает в себя: (1) перспективную «героическую старость», мотивированную на удержание зрелости; (2) ретроспективную и оттого ворчливую и мелочную «бытовую старость», сосредоточенную на былом, в котором человек ищет себе убежище; (3) «деятельную старость», основным драйвером которой становится завершение дел; (4) «эсхатологическую», а иначе говоря «мудрую» или «ветхую», старость, которая оказывается по ту сторону самореализации и заботы. Это своеобразная старость вне старости (возраста). Такова старость глубоко религиозного человека.

Такой же типологический подход просматривается и в анализе других возрастов, той же молодости, основным содержанием (этосом) которой является взросление как определенная хроно-проекция жизни. Взросление — это не просто маргинальная фаза перехода во взрослое состояние, это способ *быть молодым*. Молодой человек *существует* путем взросления. И если старость — это время сбора урожая, а зрелость — время его выращивания, то молодость — это время проектов, время поисков и надежд. В ней тоже есть свои модальности, такие как «трудное начало», «утверждение через отрицание», «затяжное взросление», «расставание с молодостью» и «возмужание».

6. ВОЗРАСТ КАК ХРОНО-ПРОЕКЦИЯ ЖИЗНИ

Важнейшие факторы в конституции возраста и его темпоральной динамики — *признание/непризнание* и *принятие/непринятие* своего возраста, причем в различных сочетаниях. Например, человек может признавать и одновременно не принимать свой возраст, что образует определенный рисунок его личности, его возрастную констелляцию, и с этим связано то, что автор называет «хроно-проекцией».

Этот сложносочиненный термин можно было бы истолковать в хайдеггеровском смысле «наброска» или в сартровском смысле «проекта», если бы не одно но: у Хайдеггера и Сартра это универсальные термины экзистенциальной онтологии, в то время как в «Философии возраста» это понятие *региональной онтологии*. Термин «хроно-проекция» имеет два применения. Во-первых, он конкретизирует понятие возрастного *этоса* в том смысле, что каждому возрасту присущи не только границы,

но и своя проекция жизни. Во-вторых, данным понятием предполагается, что внутри каждого возрастного *этоса* существуют различные хроно-проекции.

Возьмем молодость. Несмотря на то, что *этос* молодости определен *взрослением*, отношение к этому процессу различно. В молодости человек зачастую желает быть (оставаться) ребенком, и это определенная хроно-проекция. В других проекциях молодой человек либо принимает свою молодость со всеми ее преимуществами и издержками («Хорошо быть молодым!»), либо, наоборот, спешит избавиться от нее в своих мечтах о состоятельности взрослого. Так что тему Ю. Мориц вполне можно развить в том же духе: «Хорошо быть стариком! Просто лучше не бывает!» По этой причине некоторые молодые люди ведут себя как старики. Понятие хроно-проекции позволяет лучше схватывать и описывать различные возрастные нюансы. Кроме того, оно замыкает само это описание на такие темы, как *своевременность* и *несвоевременность*.

О том, что время человеческого бытия подчинено особому ритму, знали уже в древности. Взять хотя бы библейские вариации Екклесиаста:

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить [Лк. 9:21; 1 Кор. 6:12]; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять [Иер. 31:4]; время сберегать, и время бросать; время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить; время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру [Сир. 20:6; Лк. 9:21].

Термин «своевременность» отсылает не к безличному *количественному* времени, которое для удобства можно именовать словом «хронос», а к уникальному *качественному* времени, которое в библейской традиции именовалось словом «кайрос». В общем смысле *кайрос* — это особенное, выделенное время, время-исполнение, время-событие (Разинов, 2021b). И хотя тема *кайроса* у автора представлена фрагментарно, она вплетается в характеристику *качественного* времени, для обозначения которого С. А. Лишаев использует термин «эсхатон».

7. ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ ВОЗРАСТА

«Эсхатон» — это богословский неологизм, образованный от греческого прилагательного ἔσχατος, которое переводится на русский язык как «последний», «конечный». В качестве имени существительного он означает

«конец», но в более точном смысле — «окончание» как образ действия. В нашем понимании эсхатон — это не просто конец как прерывание длительности, а *время-событие* самого конца. Проще говоря, *окончание имеет свою длительность*, которая несоразмерна длительности хроноса. Автор употребляет этот термин в разных смыслах, в том числе и в значении конца, но главное, что он хочет подчеркнуть, — окончание есть модус *modus vivendi*. В общем смысле эсхатон — это проживаемые внутри жизни «последние времена» или «оконечное время» (Разинов, 2021а). В частном применении эсхатон — это окончечное время конкретного возраста. Например, когда мы говорим: «Прощай, детство!» или «Прощай, молодость!» — мы *проживаем* это окончание.

Тема эсхатона перекликается с темой оставшегося или эсхатологического времени Дж. Агамбена (Агамбен, Ермаков, 2018). Между тем она возникла независимо от итальянского философа еще в 1999 г. при разработке эстетики ветхого (Лишаев, 2019). Эсхатон — это не просто библейское окончание времен. Эсхатоны множественны и индивидуальны, а главное, распределены по возрастам. Они не одинаковы в плане их проживания, ибо в старости окончечное время переживается острее, нежели в юности, так как в старости жизненная перспектива сужается и старик чувствует близость конца, как говорится, на кончиках пальцев (Лишаев, 2022: 346).

При этом автор выдвигает идею двух эсхатонов: «Эсхатон-1 — это завершенность персональной истории, эсхатон-2 — завершенность жизни». Данное различие связано с тем, что, завершая свою персональную историю, пожилой человек продолжает жить в особом модусе ветхой старости, которая связана с тем, что он уже не строит планов на будущее и не обременен воспоминаниями о прошлом. «Это жизнь до конца после конца» в радостном принятии настоящего. Эсхатологическая старость свободна от биографии в том плане, что она в определенном смысле завершена. Это жизнь «в зазоре между двумя эсхатоном» (там же: 394).

8. МНОГОТОЧИЕ...

Таковы основные реперные точки, а лучше сказать, узлы данного труда. Кроме них «Философия возраста» полна многоточий, причем не столько в обычном смысле незавершенности — книга как раз и отличается концептуальной завершенностью, — сколько наличием других значимых точек или узлов, делающих чтение труда крайне занимательным и интересным. Прежде всего, это относится к детально проработанной феноменологической дескрипции возрастов, среди которых на

первом месте оказывается старость. Но такая тематическая непропорциональность не может быть названа несправедливостью по отношению к другим возрастам, ибо вся эсхатологическая концепция автора выстроена под феномен старости. И это может быть оправдано тем, что старость имеет одно неоспоримое преимущество — дистанцию возраста.

В качестве критического замечания я бы указал на некоторое противоречие, имеющееся между двумя планами анализа — динамическим и статическим. Динамический аспект связан с переходом от одного возраста к другому, равно как и внутренней динамикой каждого из них. Статический анализ обусловлен задачами *типологии*, которым автор отдает приоритет. Смещение динамического аспекта в пользу статического обусловлено тем, что старостью завершается сама возрастная динамика: за старостью есть только смерть. К тому же, ветхая старость, которая для автора является внутренним *телосом* возрастной динамики и даже эталоном старости как возраста, сама статична. Разумеется, что та или иная фиксация и даже «застывание» характерны для всех возрастов, но *до* старости всегда существует горизонтальная хроно-проекция. Ветхая старость, останавливая горизонтальное временение, создает вертикальную динамику, которая уже не есть динамика возраста.

В плане развития выдвинутых автором идей я бы предложил новую тематизацию *акме*, но не в общепринятом смысле, где *акме* характеризует середину жизни, а в смысле середины возраста. В каждом возрасте есть свое золотое время, свое *акме*, то есть кульминационная точка возрастного *эпоса*. Описание переходов за/через возрастное *акме* характеризовало бы *эйдос* возраста, причем в его динамике.

В завершение следует сказать, что перед читателем развернут грандиозный и многоплановый профиль философии возраста как междисциплинарной области исследования. Несмотря на то что книга представляет преимущественно экзистенциально-онтологический срез проблематики, в ней есть множество перекличек и пересечений с другими областями знания. По этой причине данное сочинение будет интересно не только специалисту, но и рядовому читателю, ибо возраст — это то, что касается каждого. Если говорить о специалистах, то с выходом «Философии возраста» им будет трудно обойти вниманием эту книгу, поскольку она представляет собой весомую заявку на *новую отрасль знания*.

ЛИТЕРАТУРА

- Агамбен Д. Оставшееся время : Комментарий к Посланию к Римлянам / пер. с итал. С. Ермакова. — М. : Новое литературное обозрение, 2018.
- Лишаев С. А. Старость, мудрость, философия // Вестник Тамбовского университета. — 2019. — Т. 20, № 1. — С. 12–25.
- Лишаев С. А. Философия возраста (возраст и время). — СПб. : Алетейя, 2022.
- Разинов Ю. А. Маргинальное время труда и досуга : экзистенциально-онтологический аспект // Труд и досуг : альманах Центра исследований экономической культуры СПбГУ / под ред. Д. Кадочникова, Д. Раскова. — М., СПб. : Изд-во Института Гайдара, Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021а. — С. 15–33.
- Разинов Ю. А. Пограничное время-кайрос // *Mixtura verborum: 2019–2020* : пограничное время. Сборник научных статей / под ред. С. А. Лишаева. — Самара : Самарама, 2021b. — С. 3–15.
- Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А. П. Шурбелева. — СПб. : Владимир Даль, 2009.

Razinov, Yu. A. 2023. “Vremya i vozrast [Time and Age]: razmyshleniye nad knigoy S. A. Lishayeva [Reflections on the Book by Sergey Lishayev]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (1), 407–417.

YURIY RAZINOV

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY NAMED AFTER ACADEMICIAN S. P. KOROLEV (SAMARA, RUSSIA); ORCID: 0009-0006-9238-5535

TIME AND AGE

REFLECTIONS ON THE BOOK BY SERGEY LISHAEV

LISHAYEV, S. A. 2022. *FILOSOFIYA VOZRASTA (VOZRAST I VREMYA) [AGE PHILOSOPHY (AGE AND TIME)]* [IN RUSSIAN]. SANKT-PETERBURG [SAINT PETERSBURG]: ALETEYYA

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-407-417.

REFERENCES

- Agamben, G. 2018. *Ostavshyesya vremya [Il tempo che resta. Uno commento alla Lettera ai Romani]: Kommentariy k Poslaniyu k Rimlyanam* [in Russian]. Trans. from the Italian by S. Yermakov. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Heidegger, M. 2009. *Parmenid [Parmenides]* [in Russian]. Trans. from the German by A. P. Shurbelev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.

- Lishayev, S. A. 2019. "Starost', mudrost', filosofiya [Anility, Wisdom, Philosophy]" [in Russian]. *Vestnik Tambovskogo universiteta [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy]* 20 (1): 12–25.
- . 2022. *Filosofiya vozrasta (vozrast i vremya) [Age Philosophy (Age and Time)]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Razinov, Yu. A. 2021a. "Marginal'noye vremya truda i dosuga [Marginal Time of Labor and Leisure]: ekzistentsial'no-ontologicheskii aspekt [Existential-Ontological Aspect]" [in Russian]. In *Trud i dosug [Labour and Leisure] : al'manakh Tsentra issledovaniy ekonomicheskoy kul'tury SPbGU [Almanac of the Centre for the Studies of Economic Culture, SPbU]*, ed. by D. Kadochnikov and D. Raskov, 15–33. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo Instituta Gaydara / Fakul'tet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU.
- . 2021b. "Pogranichnoye vremya-kayros [Marginal Kairos]" [in Russian]. In *Mixtura verborum: 2019–2020 [Mixtura verborum: 2019–2020] : pogranichnoye vremya. Sbornik nauchnykh statey [Marginal Time: Collected Works]*, ed. by S. A. Lishayev, 3–15. Samara: Samarama.